

Михаил Рожанский,

кандидат философских наук,
научный директор
Центра независимых
социальных исследований
и образования,
Иркутск,
mr1954@yandex.ru



Mikhail Rozhansky,
PhD, Scientific Director,
Center for Independent
Social Research
and Education,
Irkutsk
mr1954@yandex.ru

Проект, о котором меня попросила рассказать редакция журнала, можно назвать и краеведением, но необычным – социологическим. С обычным – лирическим или фактографическим – наша работа совпадает по предмету, но резко отличается по задачам, подходу и стилистике. Интерес краеведа к «глубинке», где он живет, воспринимается обычно в категориях долга и подвижничества, поскольку норма совсем в другом – для человека, получающего гуманитарное образование, средневековая Европа или околореволюционные сплетни интереснее и, следовательно, ближе, чем мир собственного городка. Тот самый мир, который так привлекает антрополога из Абердина или историка из Окленда. Благодаря моделям гуманитарного образования – школьного и высшего – доминирующим в нашей стране, а также общей ориентированности профессиональной жизни на столицы – нужен радикальный поворот, чтобы увидеть возможность самореализации исследователя в изучении места, в котором живешь. Наш проект стремится к такому радикальному повороту. Работа осуществляется не как некая миссия, а как реализация профессиональных задач, хотя очевидна и общественная цель – деколонизация социальных исследований.

Байкальская Сибирь

Тема номера / Issue Subject

Baikal Siberia

The project I have been asked to tell about is possible to call a local history research, but an unusual one – a sociological local history. Traditional local history research – lyric or factographic – and our work have common subject but our tasks, approach and stylistics are distinctly different. A local historian's interest towards the 'backwoods' where he lives, is usually taken as a duty and selfless devotion, because the norms are different, and medieval Europe or the Kremlin gossip are more of interest and therefore closer to a person who studies humanities at University than the world of his/her town. The world which is so attractive for an anthropologist from Aberdeen or a historian from Auckland. Owing to the models of humanitarian education predominating in our country both at schools and at Universities, and to the general orientation of professional life towards the capitals, we need a turnaround in order to see opportunities for self-actualization of a researcher who studies the place where he/she lives. Our project contributes to such turnaround. The work is not carried out as a mission, it is an implementation of professional tasks but it evidently has its public goal – decolonisation of social research.

« — Сколько ржи посеял на наделной земле? Мужик не понимает, о чем его спрашивают и мнется... наконец, окружающие растолковывают ему, в чем дело.
— 5 пудов, — отвечает он.
— Ну, а сколько на внеделной?
— 1/2 пуда.
— Сколько же уродилось пудов на наделной? — продолжает опросчик.

Нужно сказать, что зыряне не вешают хлеб, а считают его овинами, а каждый овин числом снопов, и опросчику нужно было опрашивать подобным же образом, но он, урожденный петербуржец, конечно, не знал этого».

Этот диалог воспроизводит Питирим Сорокин в заметках «Колонизационные вождедения», написанных в 1909 году. Первокурснику Питириму Сорокину достаточно было послушать подобных разговоров, поработав статистиком в двух экспедициях, чтобы поставить под

сомнение колонизационную столыпинскую политику и те научные предприятия, которые обслуживали эту политику. Дело не только в молодом честном уме и желании сказать, что «король голый». И, конечно, не в политических убеждениях. Чтобы не заметить «платье короля», надо, как минимум, не жить при дворе, быть от столиц на расстоянии даже в буквальном, географическом смысле.

Предмет исследования

В централизованной стране все устроено так, что жизнь, как правило, больше связана с центром — районным, областным, чем с соседним сообществом, и человек лучше знает столицу, чем удаленный поселок или город. Они часто и оказываются дальше, если не километрами измерять расстояние, а временем. Социальные науки в нашей стране устроены так же централизованно. Если не пытаться преодолевать оптические искажения, которые задаются данным обстоятельством, то утрачивается смысл

Текст иллюстрирует фотоистория, снятая в 2002-2005 году в поселке Тоннельном на БАМе. Поселок считался ликвидированным с 2000 года, но жители покинули его только в 2006 году, добившись решения проблем, связанных с перевездом в новые места жизни. Автор фото — Николай Байкалов.



'How much rye have you sown on allotted land? Muzhik does not understand the question and hesitates...finally people explain it to him.
- 5 poods, - he answers.
- And how much on non-allotted land?
- 1/2 pood.
- How many poods of crops were collected from the allotted land?
- continues the interrogator.

It should be noted that zhyryans do not weigh grains, their measure for crops was a barn, and they count a barn — by a number of sheaves, and the interrogator should have asked the same way, but he as a native citizen of Petersburg, of course, was not aware of it.'

This dialogue is given in 'Colonisation Longings', the notes written by Pitirim Sorokin in 1909. It was enough for him, a first-year student, to work as a statistician during two expeditions, in order that he might doubt Stolypin's colonization policy

and those scientific undertakings which served for it. It was not only a question of a young honest mind and a desire to declare that 'the king is naked.' And, surely, not the one of his political beliefs. In order that one might not notice 'the king's gown' he should not, at the least, live at court, and should be at a distance from capital areas, even in a strict, geographical sense.

Research Subject

In a centralized country everything is arranged in such a way that life, as a rule, is more connected with a centre — regional, district — than with a neighbouring community, and a person knows better the capital than a nearby settlement or town. They often appear to be further, if we do not take a kilometre distance but a time distance. Social sciences in our country are centralized as well. If we do not try to overcome optical distortions that are set under these circumstances we can lose the sense of scientific work itself. Geography changes the essence of social processes.

Siberian examples are not a particular deviation from all-Russian rules. A person attempts with his/her relocation to change the relations with history, to defend or realize his/her autonomy (sometimes without guessing it) under those conditions which are stated by history. Concept of social mobility, if applied to Russia, becomes three-dimensional: along with two principal dimensions — time (domain of history) and social structure (domain of sociology), space as the third dimension, proves to be extremely important. And the notions of Siberia and Russian space are almost synonyms.

We called the literary miscellanies presenting our researches 'Baikal Siberia'. The task was not to make a map of a region out of jig-saw puzzles of the articles. And the title of the project and the literary miscellany underlines it - the notion of Baikal Siberia is used by biologists and archeologists, and subjects of their sciences are much older than any of the administrative borders. Social life

научной деятельности. География меняет суть социальных процессов.

Сибирские примеры — не есть некое частное отступление от общероссийских правил. Человек пытается за счет перемещения в пространстве изменить свои отношения с историей, отстоять свою автономность или реализовать ее (иногда не подозревая о ней) в тех условиях, которые предлагает история. Понятие социальной мобильности, будучи примененным к России, приобретает объемность: наряду с двумя главными измерениями — временем (домен истории) и социальной структурой (домен социологии) — принципиально важным становится третье измерение — пространство. А понятия Сибири и российского пространства — это почти синонимы.

Альманахи, в которых представлены наши исследования, мы назвали «Байкальская Сибирь». Задача состояла не в том, чтобы сложить пазлами статей карту какого-либо субъекта Федерации.

Заглавие проекта и альманаха подчеркивает это — понятие Байкальской Сибири используют биологи и археологи, а предметы их наук много старше любых административных границ. Социальная жизнь зависит от властных предписаний, но не сводится к ним. Нашим предметом изучения стали местные сообщества.

Словосочетание «Байкальская Сибирь» позволяет конкретизировать почти метафизическое понятие Сибирь. Шесть букв С-и-б-и-р-ь теряются в пространстве северной Азии. На административной карте это полтора или два десятка областей, республик, краев — смотря что считать Сибирью. Дело случайности, что все эти просторы не называются, например, Тюменью. То, что объединены они одним топонимом — дело истории, это результат стремительности русского проникновения. Поэтому только на юге территории Сибири строго очерчена государственной границей России. На севере и северо-востоке граница — это настоящий край земли, преграда гео-

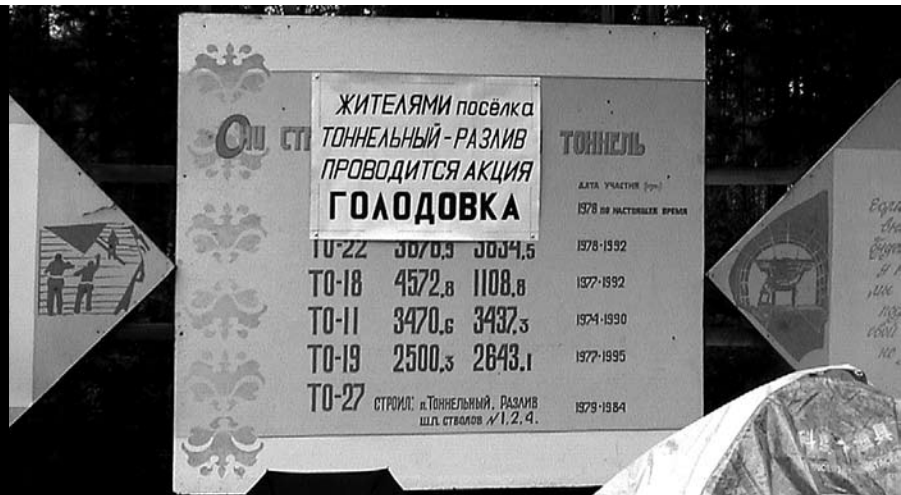
графическая: дальше уже идти было просто некуда. Сибирь — северная часть Азии, куда вместе с пришедшими, присланными или сосланными из-за Урала людьми и русским государством пришла европейская цивилизация. Стала доминирующей, но до сих пор не укоренилась прочно. Да и само российское государство — в какой мере укоренено оно в этой земле? Мотивы утраты Сибири, мифы о зарубежных планах отторжения Сибири, лишь изредка затихая, звучат — не только в кризисные годы, но даже в те, которые именуют «периодами стабильности». Признаки незавершенности замыслов и случайности решений режут глаз на картах экономических, экологических, административных. Сибирская жизнь обрела вечно временный характер: настоящее либо в прошлом, либо в неизвестном будущем.

В двух словах «Байкальская Сибирь» присутствуют пространство (ландшафт) и история. Байкал — одно из главных природных обстоятельств существова-

Байкальская Сибирь

Тема номера / Issue Subject

Baikal Siberia



depends on the directions of authorities but it does not come only to them. Local communities fell within the subject of our research.

Word combination 'Baikal Siberia' allows making it more concrete almost metaphysical notion of Siberia. Seven letters S-i-b-e-r-i-a are lost in the space of northern Asia. Administrative map presents one or two dozens of regions and republics depending on what one calls Siberia. It is a pure accident that all these lands are not called, for example, Tyumen. The fact that they are covered by one place-name is a matter of history, it is a result of the dash of Russian invasion. That is why only in the south, the territory of Siberia is strictly outlined by the state boarder. In the north and north-east the boarders are real ends of the earth, a geographical obstacle: beyond there were no more places to go to. Siberia is a northern part of Asia where European civilization came together with the people who came there, were sent or exiled from behind the Urals and the Russian state. It

came and became a dominating one but so far it is not rooted well there. And the Russian state itself, how deep does it take root there? Motifs of losing Siberia, myths of foreign plans to grab Siberia are heard, abating only occasionally, during the times of crisis as well as during the times which they call 'years of stability'. Signs of incompleteness of projects and random decisions strike one's eye at the economic, ecological and administrative maps. Siberian life has acquired a characteristic of being always temporary: the present is either in the past or in an unknown future.

In two words 'Baikal Siberia' there are space (landscape) and history. Baikal is one of the main natural circumstances for existing of a man here, Siberia is an inclusion of this land, its present and perspectives, into Russian life, into its patterns, into its metamorphoses during the last centuries and decades. Space and history met in one formula to focus attention on the principal Siberian and Russian problem — opportunity and

The text is illustrated by photo story made in 2002-2005. in Tunnelny settlement on the Baikal-Amur Mainline (BAM). The settlement has been considered to be liquidated since 2000 but its citizens left it only in 2006 after solving problems concerning their move to new places of residence. Photographs by Nikolai Baikolov.

ния здесь человека, Сибирь — включенность этого пространства, его настоящего и перспектив в российскую жизнь, в способы ее организации, в метаморфозы как последних веков, так и последних десятилетий. Встретившись в единой формуле, пространство и история фокусируют внимание на основной сибирской и российской проблеме — возможности и способности наладить в этом пространстве социальную жизнь, не несущую печать временности, фатальной неустроенности.

Исследовательская сеть

В конечном результате нашего проекта были важны не только ожидаемые тексты, но вовлечение участников проекта в процесс социального познания, формирование исследовательской сети. Саморефлексия — не только по поводу методов и результатов работы, а по поводу своего происхождения, истории своей семьи во времени и пространстве — методологическое условие.

Работу над социокультурной картой региона не может выполнять просто группа исследователей, работающих, скажем, в областном центре и собирающих материал в командировках и по печати. Такая работа предполагает участвующее наблюдение, глубинные интервью, постоянные контакты с людьми, иначе говоря, исследователь должен быть участником того человеческого мира, особенности которого он описывает. Поэтому основу нашей исследовательской сети составили гуманитарии (географы, историки, лингвисты, психологи, журналисты), живущие и работающие или выросшие в тех деревнях, поселках, городах, о которых они пишут.

Несмотря на разбросанность участников сети в пространстве, работа была замыслена как коллективная. Особенности каждого села или города, социальной группы или субкультуры не поддаются стандартному описанию и в то же время должны стать частью некоей общей картины.

При этом каждый участник группы, живущий и работающий в небольшом городе или в поселке, исследующий его социокультурные особенности, не может быть специалистом в истории, социологии, экономике, лингвистике одновременно, но должен включать в свой предмет и ландшафт, и историю, и хозяйственную жизнь, и язык улицы. Даже если речь шла о предмете, соответствующем полученному некогда диплому, например, об истории, вовсе не обязательно, что учебный процесс на факультете подготовил к необходимым методам социального исследования. Собственно, одним из важнейших стимулов для вхождения в исследовательскую группу стала возможность не просто участвовать в интересном исследовании, но и продвинуться в профессиональном образовании.

Первый альманах-исследование «Байкальская Сибирь», вышедший в Иркутске в 2002 году, имел подзаголовок «Фрагменты социокультурной карты». В работе над ним сложилась команда,



ability to settle within this space a social life without the seal of temporariness, fatal uneasiness.

Research Network

Finally the important results of our project should be not only the expected texts but also inclusion of the project participants into the process of social cognition and a formation of a research network. Self-reflection, both on the methods, results of the work and on one's origins and the history of one's family in time and space was a main methodological condition.

Work over social and cultural map of the region cannot be done by just a group of researchers working in a regional centre and collecting materials on academic trips or using newspapers. Such work should include in-depth interviews and constant close contacts with people. In other words, a researcher should be a participant of that social world, special features of which he describes. Therefore, in the core of our

research network there are humanitarian specialists (geographers, historians, linguists, psychologists, journalists) who live, work or grew up in those villages, settlements and towns they write about.

In spite of the distances among the participants, the work was planned to be a collaborative effort. Specific features of each village or town, social group or subculture, cannot be described according to one standard but at the same time they should become a part of common picture.

In doing so, each participant of the group living or working in a small town or village and researching its social and cultural features cannot be a specialist in history, sociology, economics and linguistics at the same time, but he must include in his topic landscape, history, economy and street language. Even if the work concerned the subject close to the participant's degree, e.g. history, it was not sure at all that the education at the University has provided him with methods necessary to conduct a social research. So, the opportunity

to participate in an interesting research project but moreover to make a step in one's professional development was one of the most important stimuli to join the research group.

The first miscellany-research 'Baikal Siberia' was published in 2002 and had a subheading 'Fragments of Social and Cultural Map'. The people who worked for it formed a team and decided to continue their joint work. So, the Centre for Independent Social Research and Education was established. The second miscellany was one of the projects of the Centre. It was published in 2007 and called 'Baikal Siberia. Foreword of the 21st Century'. Some articles from the first miscellany can be found at the internet-site of the Centre (cnsio.irkutsk.ru), some from the second one are presented in this journal issue. Both miscellanies were possible due to the financial support of Ford Foundation. The third miscellany focused on Irkutsk and Ulan-Ude is prepared but it is more difficult to find a support and in

которая приняла решение работать вместе. Так возник Центр независимых социальных исследований и образования. Второй альманах стал уже одним из проектов центра. Он вышел в 2007 году и называется «Байкальская Сибирь. Предисловие 21 века». Некоторые статьи первого альманаха вы можете найти на сайте ЦНСИО (cnsio.irkutsk.ru), некоторые статьи из второго мы представляем в этом журнале. Оба альманаха состоялись благодаря финансовой поддержке Фонда Форда. Готов третий альманах, посвященный Иркутску и Улан-Удэ — с поддержкой сложнее и, вообще, отечественным спонсорам гораздо труднее объяснить, зачем исследовать страну, в которой живешь.

Тезис о деколонизации

На первом этапе мы стремились представить пространство (фрагменты карты). Более сорока статей дали синхронистический срез социальной повседневности к календарному началу

века — в тот период, когда в общественных настроениях преобладали темы кризиса, утрат, неясности перспектив, хотя основные направления и противоречия постсоветских изменений уже обозначились. Вышел первый альманах.

Далее важно было понять, как это социокультурное пространство живет в нынешнем времени, точнее — временах. Разнобой исторических времен стал одним из самых острых сюжетов второй книги с названием «Предисловие 21 века», который возникает и в отдельных статьях, и в альманахе в целом. При работе над вторым сборником, мы выделили в отдельный том статьи, посвященные Иркутску и Улан-Удэ, и получили очень неожиданный эффект: взгляд на регион, оставшийся без динамики региональных столиц, как бы предоставленный «сам себе», прямо-таки больше располагает к «пессимизму разума», если пользоваться первой половиной знаменитой формулы Антонио Грамши. Люди, живущие в глубинке и оценивающие происходящее

с точки зрения будущего для своих детей, своей собственной судьбы и судьбы родного места, склонны считать, что в главном для них изменений не происходит — глубинка остается глубинкой. И новейшая «стабилизация» принимается не менее болезненно, чем воспринимался в девяностых годах системный кризис. Даже когда национальная экономика вроде бы развивается, большая часть окраинных территорий безнадежно отстает. И тогда все сворачивается в новый цикл освоения — и соответственно новый цикл истории «страны, которая колонизируется»¹. Но основания для второй половины формулы Грамши — для «оптимизма воли» — есть. Они в том, что у человека есть возможности действовать не только в том социальном времени, которое доминирует в месте его жизни. Приобщенность к информационному обществу, включенность в сетевые взаи-

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Соч. в 9-ти томах. Т. 1. — М., 1987. — С.50.

**Байкальская
Сибирь**

Тема номера / Issue Subject

Baikal Siberia

Динамика цен на нефть, пресс-служба президента и даже сводки спецслужб — не достаточные источники для познания того, что происходит в стране.

The dynamics of oil prices, press-office of the President and even the reports of secret services are not sufficient sources to know what is going on in the country.

general it is rather complicated to explain to non-foreign sponsors the reasons why they should research the country where they live.

A Point on Decolonisation

During the first stage we tried to represent the space (fragments of the map). More than 40 articles gave us a synchronous profile of social everyday life at the beginning of the century — that period when public expectations were ruled by crisis, losses and uncertain perspectives, though the main directions and conflicts of the post-Soviet changes were determined. The first miscellany was published.

Then it was important to understand the life of social and cultural space at the present time or rather the times. Mixture of historical times became one of the most urging issues of the second book with the title of 'Foreword of the 21st Century', it arose in some articles and in the miscellany in general. While working

over the second publication we selected the articles on Irkutsk and Ulan-Ude for a separate volume and got an unexpected effect: the view of the region left without the dynamics of its two regional capitals, as if left to its own devices, disposes more to 'pessimism of the intellect' using the first half of the famous formula of Antonio Gramsci. The people living in remote places of the country and observing what is going on in connection with the future of their children, their own future and the future of their native place are inclined to think that the principal thing does not change — remote places stay the same. And further 'stabilisation' is as painful as the crisis of the 90s. Even when the national economy seems to develop the majority of the provinces are hopelessly behind. And then everything comes to a new cycle of development and therefore to a new cycle of the history of 'the country that is colonised again'. But there are grounds for the second part of Gramsci formula - for 'optimism of the will'. They are in the fact

модействия, выходящие за пределы локальной социальной среды — ресурсы именно для такого действия.

Свой проект мы рассматриваем как создание ресурса для участников исследования, а значит, и для местных сообществ, о которых они писали и в которые включены. Исследование обстоятельств — необходимое условие преодоления зависимости от обстоятельств. Исследования «с точки зрения» местного сообщества — шаг в деколонизации, условие преодоления массового чувства «второсортности» — родимого пятна гиперцентрализованной страны.

О методологии

Мы использовали методологию «исследования случая» — case study. «Качественные» социологи, избравшие стратегию кейс-стади, стремятся представить интересный социальный феномен и внести нечто новое в социальную теорию на основе интерпретации этого феномена. Адресатом такого исследования явля-

ется, в основном, если не исключительно, профессиональное социологическое сообщество и вполне закономерно, что «качественная» социология работает на создание и закрепление социальной и культурной дистанции между теми, кто изучает, и теми, кого изучают. В этом смысле социология полностью сохраняет себя как наследница этнографии — науки гуманистической и одновременно — колониальной. Неслучайно этнографическое любование сочетается часто с нежеланием автора, чтобы его статью или диссертацию прочли те, кого он так любовно описал.

Тексты же участников нашего проекта оказались сфокусированы на том, что происходит в конкретном месте в конкретный период времени, и поэтому наша работа в большей степени может быть отнесена не к социологии (в узком смысле этого слова), а к социальной истории современности. Кейс-стади, таким образом, оказывается не только методом, а самодостаточной целью отдельного ис-

следования. Благодаря этому неуходящему историческому обстоятельству уже наш первый альманах нашел своих читателей. Дело не столько в любопытстве, сколько в жизненной необходимости сравнивать свою жизнь с иной и в приходящем понимании того, что динамика цен на нефть, пресс-служба президента и даже сводки спецслужб — не достаточные источники для познания того, что происходит в стране.

Является ли наша работа социологической? Да, если понимать социологию не в узко профессиональном смысле, а в смысле широком — как познание общества, в котором живешь. Это самое меньшее, на что может претендовать социология, и самая большая задача, которую она сейчас способна выполнять. Социология тренирует социальный слух и социальное зрение человека, его социологическое воображение, помогая ему со стороны взглянуть на свои общественные отношения и себя в них.



that a person has opportunities to act not only within the social time that dominates in his or her place of living. Information society and inclusion into network communications which go beyond the limits of the local social environment are the resources for such actions.

We consider our project as building of a resource for the research participants and that means a resource for the local communities they write about and live in. The research on the given circumstances is a necessary condition to overcome one's dependence on the circumstances. Research 'from the standpoint' of a local community is a further step in decolonisation, a condition to overcome a mass feeling of being second-rate quality people — a birthmark of the hypercentralised country.

On Methodology

We used case study methodology. 'Qualitative' sociologists who choose case study strategy try to present an

interesting social phenomenon and to introduce something new into the social theory through interpretations of this phenomenon. Such research mainly contributes to the development of professional sociological community and it is logical that 'qualitative' sociology works for establishing and fixing social and cultural distance between those who study and those who are studied. In this respect sociology remains an heir of ethnography, a humanistic and colonial science at the same time. It is no coincidence that ethnographic admiration goes often with reluctance of the author to show his article or thesis to those whom he described with such an admiration.

The texts of our project participants are focused on what is going on in a concrete place and during a concrete period of time that's why our work, to a considerable degree, could be attributed to contemporary social history but not to sociology (in a restricted sense of the word). Thereby, case study turns out to

be a method of the research as well as its self-sufficient goal. Due to this persistent historic circumstance even our first almanac came to its readers. It was not so much a question of curiosity as it was a question of vital necessity to compare one's way of life with another and of an emerging understanding that the dynamics of oil prices, press-office of the President and even the reports of secret services are not sufficient sources to know what is going on in the country.

Is our work a sociological one? Yes, if we do not take sociology in a particular professional sense but in the broad sense as a research of the society we live in. It is the smallest thing sociology can have a claim on and it is the biggest task it is able to perform now. Sociology trains social ear and social eyesight of a person, his social imagination enabling him to take a detached view of his social relations and of himself in those relations.